

Юность Набат

Category: Kitapcy, Zenan şahsyýetler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Юность Набат ЮНОСТЬ НАБАТ

Недавно наша страна отметила 50-летие стахановского движения. Патриотический почин шахтера из Донбасса поддержали во всех отраслях народного хозяйства. Появились его последователи и в Туркменистане. И одной из первых стала совсем еще юная работница Набат Курбанова. Имя ее знала вся республика. А ведь ей тогда исполнилось семнадцать...

Много испытаний выпало еще с детства на долю девушки из села Онбеги, что в Каахкинском районе. Отец умер рано – девочка его почти не помнила. Сирота... что могло быть страшнее? Но на помощь маленькой Набат и ее матери пришла советская власть.

С 1929 года – со дня основания шелкомотальной фабрики – молодая вдова стала там работать. Часто приводила с собой в цех и девочку: на кого же ее оставить? Так как фабрика для Набат стала школой жизни. Там девочка научилась грамоте. «Кем хочешь стать?» – спрашивали, бывало, взрослые. «Буду коконы разматывать как мама...» – зардевшись, отвечала девочка.

С тех пор пролетело полвека. Какова же дальнейшая судьба прославленной Набат Курбановой, имя которой навсегда вписано в историю легкой промышленности Туркменистана?

Семидесятилетняя Набат эдже живет сейчас далеко от Ашхабада, в горном селении Конекесир Кара-Калинского района. Большая часть ее жизни связана с этим селом. Когда я сказал о цели своего приезда, она растерялась. Помолчала, смахнув со щеки невольную слезу. Я понял: это слезы радости. Как тут не гордиться: прошло столько лет, а славные страницы ее юности не забыты.

* * *

Шелкомотальный цех... Острый, характерный запах размягчающихся коконов, легкие облачка пара. И не устанные, гибкие пальцы женщин, которым послушны вот эти тонкие, едва заметные глазу

шелковые нити. Цех этот стал для Набат вторым домом. Сначала помогала подносить сырье, потом – дрожащими от волнения пальцами прикоснулась к тоненькой золотистой ниточке.

... Так началась ее самостоятельная, трудовая жизнь. Навсегда запомнились добрые, внимательны глаза наставниц – приехавших из далека русских женщин. Они учили ее производственным навыкам, и грамоте, первым русским словам. От своих наставниц Набат впервые услышала о том, как прекрасна далекая Москва. И уж вовсе не думала она тогда, что и сама побывает там, в столице Страны Советов.

А через каких-нибудь, три года о Набат заговорила вся фабрика. Имя ее замелькало в газетах: ударница, лучшая работница в коллективе, нормы перекрывает, брака не допустит. Словом, обогнала ученица своих наставниц. А когда всю страну облетела весть о замечательном почине донецкого шахтера Алексея Стаханова. Набат первая из работниц шелкомотальной фабрики и одна из первых во всей нашей республике решила последовать его примеру.

Не так уж много в начале тридцатых годов было у нас девушек – туркменок, смело шагнувших к станку, а тем более – опережающих время. Вот почему не только другие молодые работницы потянулись к Набат за опытом – к ней зачастили корреспонденты. А однажды, открыв газету, подруги по цеху и вовсе удивились – их ровеснице, правофланговой молодого рабочего класса Туркменистана, посвятил свою поэму Помма Нурбердыев.

Как радовалась и как волновалась Набат, узнав о том, что придется и ей – наяву, а не в мечтах – побывать в советской столице! Сколько добрых напутствий – на русском и туркменском языках – выслушала от подруг по цеху. И вот – дорога. Привычные песчаные просторы за вагонным окном сменились белизной русских снегов...

Москва, 4 декабря 1935 года. В Кремле состоялась беседа руководителей партии и правительства с передовыми тружениками Туркменистана и Таджикистана.

Туркменскую делегацию после встречи принял у себя в кабинете Серго Орджоникидзе. Серго задавал один вопрос за другим. Ему отвечали Кайгысыз Атабаев и Я. Попок.

– Послушай, а почему у Серго два имени? Слышишь, его сейчас назвали Георгием Константиновичем... – шепотом спросила набат у своей подруги Эне Гельдыевой. Эне не смогла ответить на этот вопрос. И тогда оба решили обратиться к Кайгысызу Атабаеву. Он-то и рассказал им подробно о жизни и революционном пути Серго.

Памятно для Набат эдже и еще одно событие: день спустя делегацию принял народный комиссар земледелия страны. В конце своего выступления народный комиссар сказал, что для колхозов Туркменистана выделено много тракторов, минеральных удобрений. Главная задача теперь – бережно использовать их.

Набат сидела гордая, сияющая. Конечно, она не хлопкороб, но ведь последние слова наркома и к ней относятся.

– Во встрече – вспоминает она, – участвовал Николай Паскуцкий. В ту пору он возглавлял Главное управление хлопководства Наркомата земледелия и постоянно поддерживал связи с Туркменистаном. Туркменская делегация пробыла в Москве около трех месяцев. На несколько дней выезжали в Ленинград: в Кронштадте побывали на подводной лодке, потом гостили на Кировском заводе. А когда вернулись в Москву, произошло незабываемое. Сам Михаил Иванович Калинин вручил Набат Курбановой орден «Знак почета». В то время мало кто был еще удостоен этой высокой награды: на оборотней стороне ордена был выбит номер 26.

Через несколько месяцев Набат снова побывала в Москве. Комсомолия республики избрали делегатом X съезд ВЛКСМ.

Весенним апрельским днем 1936 года Москва оделась в праздничный наряд. В этот день большой Кремлевский дворец заполнили юные – молодые шахтеры, металлурги, ученые и инженеры поливальщики и животноводы, моряки Балтики танкисты-дальневосточники. В работе десятого съезда комсомола принимали участие свыше тысячи делегатов, приехавших из различных уголков нашей страны.

Каждая республика отправила в Москву, на комсомольский съезд, своих лучших сыновей и дочерей. И рядом с ними, в их большом строю была делегат из Туркменистана – ткачиха Набат Курбанова. В президиуме появились две женщины. Буря аплодисментов

всколыхнула зал. «А это кто?» – спросила я у своей подруги Абадан Сарыевой.

– Надежда Константиновна Крупская. А вторая – это же сестра Ленина.

Многоголосым «ура», радостными возгласами на всех языках приветствовали делегаты съезда появление в президиуме руководителей партии и правительства. Весь зал в едином порыве пел «Интернационал».

Набат-эдже задумалась, помолчала немного.

– В один из дней съезда мы стояли с Абадан в вестибюле и разговаривали. И тут рядом с нами остановилась Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова. Поздоровавшись, спросила о делах. Нас сфотографировали. Вечером, когда мы вернулись в гостиницу, мне вручили пакет. Раскрываю, а там снимок, который был сделан днем. Сказали, что этот пакет отправила сама Н. К. Крупская!

От имени туркменских делегатов выступила с трибуны съезда секретарь Фарабского райкома комсомола Мама Мурзаева.

– Раскрепостить женщину, открыть ей все дороги для труда и творчества – вот одна из главных задач, – сказала она. – Недавно мы провели первый съезд молодых женщин республики, открываем курсы для активисток – комсомолок. Шесть девушек – туркменок избраны секретарями райкомов комсомола, еще тринадцать заведуют отделами политической учебы. По инициативе самих девушек был проведен конный пробег Чарджоу – Ашхабад. Девчата проскакали на конях шестьсот километров, навсегда опровергнув пословицу: «Когда женщина оседлает коня, наступит конец света».

Мама Мурзаева с гордостью говорила о том, с каким удовольствием в республике читают переведенный на туркменский язык книги «Мать», «Как закалялась сталь», произведения классиков русской литературы, как жадно тянутся к знаниям ее подруги.

– Товарищ Мурзаева, а сколько вам лет? – вдруг перебил ее первый секретарь ЦК ВЛКСМ Косарев.

– Восемнадцать! – гордо вскинула голову Мама. – И нашей Набат тоже восемнадцать. А ведь она – орденосец!

... Но как же все-таки оказалась юная работница в Конекесире? А очень просто. Как на крыльях летела Набат из столицы домой: там ждал любимый, скоро свадьба. А он буквально огорошил ворохом новостей: направляют на запад республики на партийную работу. Так что готовься, после свадьбы поедem вместе.

– А как же фабрика?

– Дело всегда найдется. Ведь сама рассказываешь, как много говорилось на съезде о необходимости работы с женщинами на селе...

Если речь заходит о войне. Набат-эдже теряет покой. Она тоже солдатская вдова, как и многие ее односельчане. В первые дни войны муж ушел добровольцем на фронт. Осталась, растерянная, на пороге дома с двумя крохотными девчушками. А неделю спустя порог ее дома перешагнул секретарь райкома Сары Еллыев.

– Ты нам нужна, Набат. Ты – комсомолка, потому и уверены, что не откажешь. Животноводческая ферма в Конекесире осталась без заведующего – тоже ушел воевать. Принимай хозяйство. Надеемся, что не подведешь.

Набат, честно, говоря, и понятия не имела, каким должен быть уход за дойным стадом, с чего тут начинать, за что браться. Но отказаться она просто не имела права. наутро погрузила на арбу нехитрый скарб, девчушек туда уже усадила – и в путь. А путь неблизкий – километров сто от райцентра.

Пройдут годы, и Набат-эдже уже не будет и мыслить себе жизни без этого небольшого, незнакомого тогда села, да и люди его станут ей, как говорится, роднее родных. И поныне как музыка, как песня звучат в памяти звучные названия отдаленных пастбищ в горных отрогах: Хатын-ага, Шалчекилен, Гарагач... А отстоят они друг от друга на 15-20 километров. С рассветом накормит, бывало, дочурок – и в седло. А пока все, что наметила, объездит и осмотрит – глядишь, уже и стемнело.

Старики хитро и недоверчиво ухмылялись, увидев хрупкую фигурку молодой всадницы: ишь, мол, какая бойкая выискалась. А потом, убедившись в ее трудолюбии и настойчивости, стали говорить уважительно: молодец дочка, так и дальше работай.

Из племени первопроходцев – говорят люди о таких, как Набат. Да, она и здесь, как когда-то в Ашхабаде, была во всем

впереди. Первой среди женщин села, в 1944 году вступила в ряды ленинской партии. Первой, махнув рукой на пересуды старух, отправила подростковую дочку на учебу в Ашхабад. Стала в послевоенные годы первой в этих краях женщиной – председателем исполкома поселкового Совета. Много сделала Набат на этом посту для повышения культуры села. И проходя сегодня по светлым улицам нового, разросшегося Конекесира, ее ровесники-ветераны обязательно напомнят заезжему гостю: вот это здание при нашей Набат построили. И детсад – тоже ее детище...

Незаметно подкралась старость. Но Набат-эдже не привыкла унывать. Наоборот, даже в самые трудные дни всегда подбадривала односельчанок. Да и может ли ветеран поступать иначе? И сегодня идут к ней, умудренному жизнью человеку, односельчане – и стар, и млад – за советом.

Жизненный путь простой женщины, ветерана партии полон славных страниц. И, надо, чтобы молодежь республики обязательно знала эти страницы, изучала их. Ведь, такие как Набат Курбанова, – гордость народа, его истогрия, его слава.

А. Чуриев.

«Туркменская искра» 28.09.1985 год. Zenan şahsyýetler